З. К. ТАРЛАНОВ

СОСТАВ И СТРУКТУРА ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Обобщенно-личное предложние — это особый тип односоставных конструкций в русском языке, противопоставленный другим односоставным конструкциям как по содержанию, так и по своей синтаксической форме[1]. Обозначая идею вселичности, соотнесенную с панхроническим действием, оно в полной мере соответствует жанровым требованиям пословицы[2]. В зависимости от способа выражения главного члена можно выделить ряд структурных разновидностей обобщенно-личных предложений, функционирующих в языке русских пословиц:

1. *Обобщенно-личные предложения с главным членом в форме 2 лица единственного числа будущего времени.* Это наиболее активная разновидность обобщенно-личных предложений не только в пословицах[3], но и вообще, на что неоднократно указывалось в лингвистической литературе. В рамках данного типа в свою очередь тоже выделяются специфические синтаксические комбинации форм, изучение которых дает возможность уяснить правила более глубокого характера, определяющие своеобразие синтаксической организации обобщенно-личных предложений. Оно предполагает более детальную классификацию на основе учета синтаксической структуры, порядка размещения главного и подчиненных членов предложения, характера (типа) семантико-синтаксических отношений между главными и подчиненными членами предложения. По объему рассматриваемые конструкции делятся на следующие группы: а) наиболее многочисленна группа трехчленных структур (58% от всего числа конструкций этого типа): *Слезою море не наполнишь (Д., 141[4]); Кручиною людей не насытишь (там же);*

[1] Тарланов З. К. Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения?— Филологические науки, 1972, № 3, с. 86—91.

[2] Тарланов З. К. К проблеме сочетаемости синтаксической семантики предложения с жанрами словесности (На материале русского фольклора).— В кн.: Семантика языковых единиц. Л., 1975, с. 144—145.

[3] Указанный тип предложений широко распространен не только в русских пословицах, но и в пословицах других восточнославянских народов. См.: Овчарук С. А. Обобщенно-личные предложения в украинских пословицах. АКД.— Херсон, 1956, с. 6—7; Мишуренко П. Е. Односоставные предложения в украинских народных пословицах. АКД.— Днепропетровск, 1967, с. 5—6. К аналогичному выводу на неславянском материале приходит и исследователь осетинских пословиц. См.: Хугаев И. А. Язык осетинских пословиц. АКД.— Тбилиси, 1967, с. 9.

[4] Цифры после условных обозначений источников указывают на страницы по этим источникам.

Квашни крышкой не удержишь (Д., 122); На деньгу обороти не накинешь (Д., 112); На ветер мякины не напасешь (там же); Всех нищих не перещеголяешь (Д., 91); Из нета ничего не скроешь (Д., 94); Счастье в оглобли не впряжешь (Д., 72); Аминем беса не отшибешь (Д., 41); б) четырехчленные предложения, составляющие около 23% от общего количества конструкций: *У скупого и в крещенье льду не выпросишь (Д., 110); За ватагу нищих одного богача не выменяешь (Д., 83); Суженого и на кривых оглоблях не объедешь (Д., 57); Избным теплом недалеко уедешь (Д., 275); Мертвым соколом утки не затравишь* (Д., 271); в) двучленные предложения (около 14%): *Слезы не проглотишь (Д., 141); За богатым не угоняешься (Д., 95); От греха не уйдешь (Д., 57); От смерти не откупишься (Д., 283); Не потерпев, не спасешься (Д., 117);* г) пятичленные предложения (около 4%): *У каменного попа и железной просвиры не выпросишь (Д., 110); На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь (Д., 281); В дороге и ворога назовешь родным отцом (Д., 275).* Как явствует из примеров, двучленными, трехчленными и т. д. предложения называются в зависимости от количества членов предложения, выраженных отдельными самостоятельными словами либо сочетаниями их со служебными словами, вместе с которыми они составляют одну синтаксическую форму или одно слово.

На основании порядка размещения главного и подчиненных членов все конструкции интересующего нас типа можно разделить на три разновидности: а) предложения, в которых главный член является замыкающим структуру (они составляют 96% от всего числа конструкций анализируемого типа[5]): *Кривого кривым не исправишь (Д., 129); Сердцем и соломинки не переломишь (Д., 130);* б) предложения, в которых главный член начинает структуру (2%): *Не убьешь словом, да озадачишь (Д., 265); Найдешь келью и под елью (Д., 103);* в) предложения, в которых главный член занимает место между второстепенными членами (2%): *От лихого не услышишь доброго слова (Д., 129); На чужой роток не накинешь платок (Д., 416).*

Наконец, по характеру (типу) семантико-синтаксических отношений между главным и подчиненными членами среди обобщенно-личных предложений с главным членом в форме 2 л. ед. ч. будущего времени выделяются: а) предложения, в которых подчиненные члены относятся к главному как дополнения со своими определяемыми, как правило, согласованными, либо без них (это около 90% от всего числа конструкций): *Из спасиба шапки не сошьешь (Д., 136); Спасиба в карман не положишь (Д., 136); Прытью людей не удивишь (Д., 137); Без раны и зверя не убьешь (Д., 152); Дракою прав не будешь*

[5] Аналогично обстоит дело и в украинских народных пословицах. См.: Мишуренко П. Е. Указ соч., с. 7.

(Д., 172); б) предложения, в которых зависимые формы относятся к главному члену не как дополнения, а как обстоятельства (такие случаи составляют около 10% предложений данного типа). При этом обращает на себя внимание тот факт, что почти нет предложных либо беспредложных падежных форм, которые бы получали обстоятельственное значение. Выражение обстоятельственных или близких к ним значений целиком связано с употреблением в пословичной формуле деепричастий с зависимыми словами и без них. Это вполне естественно для языка пословиц, которые избегают всяких форм, переводящих пословичное обобщение в область конкретных суждений. Большая конкретизирующая способность обстоятельств, выраженных наречиями или падежными формами существительных, которая несовместима с широким синтезирующим характером пословиц, делает невозможным включение таких обстоятельств в синтаксическую ткань пословичной формулы. Что же касается деепричастий и деепричастных построений, то они обозначают не столько обстоятельства, сколько другие действия, на фоне которых больше оттеняются действия глаголов, несущих на себе большую коммуникативную нагрузку. Справедливость такого объяснения подтверждается, между прочим, и тем, что деепричастие семантико-синтаксически нередко противопоставляется форме в роли главного члена. Именно этим, по-видимому, вызвана постоянная препозиция деепричастия и деепричастного оборота в структуре обобщенно-личного предложения: *Не видав нужды и дела не узнаешь (Д., 62); Не отпыхавшись, дерева не срубишь (Д., 117); Не отведав горького, не узнаешь сладкого (Д., 102); Говоря всего договоришься (С., 92)*. Особенно отчетливо противопоставленность деепричастий глагольным формам проявляется в двучленных структурах типа: *Не потерпев, не спасешься (Д., 117); Не согреша, не помолишься (Д., 46); Не проиграв, не выиграешь (Д., 270); Прося пива, не напьешься (Д., 234); Век живя, состаришься (Ж., 28)*. Легко можно установить, что деепричастия и деепричастные обороты в обобщенно-личных предложениях главным образом выражают отношения, близкие к условным: *Обжегшись на молоке, станешь дуть и на воду (Д., 213); Пролив воду, не поймаешь* (Ж., 35) — ср.: *Если прольешь воду, не поймаешь*. Иногда значения, выражаемые подобными построениями, трудно подвести под определенный тип известных синтаксических отношений, тем не менее противопоставленность частей, составляющих пословицу, сохраняется: *У погоста живучи, всех не оплачешь (Д., 151); Век живучи, споткнешься идучи (Ж., 28)*. Отношения, представленные деепричастными оборотами в последних двух предложениях, близки к уступительно-противительным, но не тождественны с ними.

Анализ обобщенно-личных предложений с главным членом

в форме 2 л. ед. ч. будущего времени дает возможность установить, какая конкретная синтаксическая форма из рассмотренных является ведущей в пределах данного типа. Ведущей, несомненно, должна быть признана трехчленная конструкция, в составе которой либо обе зависимые формы имеют объектное значение, либо одна из зависимых форм имеет объектное значение, а другая является определяющей к ней — «Существительное+существительное+глагол»: *Воровством села не наполнишь* (Д., 165); *Без правды веку не проживешь* (Д., 196); или «Прилагательное+существительное+глагол»: *Домашнего вора не убережешься* (Д.,161). Порядок следования компонентов в обоих выражениях постоянен: глагол неизменно замыкает синтаксическую конструкцию, определение предшествует определяемому. Вообще следует заметить, что схема «Существительное+существительное+глагол» по частоте употребления превосходит схему «Прилагательное+существительное+глагол».

Двучленные предложения строятся по двум вариантам, одинаково распространенным: а) «Существительное+глагол»: *Правду не переспоришь* (Д., 200); *Москвы не разжалобишь* (Д., 150); б) «Деепричастие+глагол»: *Не побивши не выучишь (Д., 422)*.

Четырехчленное предложение представляет собою более развернутый вариант трехчленной конструкции, от которой оно отличается, как правило, наличием второго дополнения: *Жениным богатством века не проживешь (Д., 370)*. При отсутствии определения четырехчленная конструкция приобретает форму — «Существительное+существительное + существительное+глагол»: *И неправде глотку рукавицей не заткнешь (Д., 201)*. Что касается всех других вариантов рассматриваемого типа обобщенно-личных предложений, то они употребляются в языке пословиц исключительно мало.

Среди других групп предложений особняком стоят двучленные структуры, для которых характерна только одна последовательность — деепричастие+глагол.

При анализе обобщенно-личных предложений с главным членом в форме 2 л. ед. ч. будущего времени обращает на себя внимание сама эта форма главного члена, которая а) в 85% случаев имеет при себе отрицательную частицу *не*, б) во всех случаях является глаголом совершенного вида. Это не случайно. Дело в том, что общеотрицательная конструкция, представляя действие-состояние как невозможное, т. е. вневременное, больше соответствует характеру пословичных обобщений, не знающих ограничений во времени. Совершенный вид глагола, с одной стороны, придает значению невозможности категоричность и, с другой — саму пословицу делает динамичной.

II. *Обобщенно-личные предложения с главным членом в*

форме глагола 3 лица множественного числа настоящего времени. Это тоже широко распространенный тип обобщенно-личных предложений в языке послóвиц. Главный член и здесь стоит в трех позициях: а) в конце предложения (в 70% случаев): *Со вранья пошлины не берут (Д., 410); Языком капусты не шинкуют (Д., 408); В игре да в попутье людей узнают (Д., 275); Глупого и в алтаре бьют (С., 90); Для дураков за море не ездят (С., 94); Даровому коню в зубы не смотрят (С., 96);* б) в начале предложения (в 9% случаев): *Воюют многих руками, а не многих советом (Д., 247); Бьют волка и в чужом колке (Д., 130); Жнут поле в пору (С., 101);* в) в середине предложения (21% случаев): *За кукушку бьют в макушку (Д., 409); От щелчка доходят и до кулака (Д., 260); Добра не весят худом (Д., 123); От добрых гостей ждут добрых вестей (Ж., 31); Мутну воду пьют в невзгоду (С., 120); Из лука стреляют по намерению (С., 110).* Препозиция или интерпозиция главного члена обычно несет дополнительную синтаксическую нагрузку: она обязательна в случаях, когда какие-то члены предложения семантически противопоставляются друг другу: *Бьют не ради мученья, а ради ученья (Д., 213); Судят не по уму, а по карману (Д., 98); Встречают гостя по платью, а провожают по уму (С., 87); Не силой борются, уменьем (С., 261); Не по годам бьют старого, а по бокам (Д., 224); Не пером пишут, умом (Д., 420).* Путем перемещения главного члена из обычной для него постпозиции в начало или середину предложения обеспечивается максимально выразительный ритм пословичной формулы: коммуникативно наиболее важные компоненты высказывания синтаксически противопоставляются друг другу и ставятся в начальную и конечную позиции. Таким образом, создается структура, как бы обрамленная актуально значимыми членами предложения. Естественно, что разновидности обобщенно-личных предложений, противопоставленные друг другу по месту главного члена, отличаются и по некоторым деталям структуры. Отличие сводится прежде всего к неодинаковому составу разных типов обобщенно-личных предложений. Самая многочисленная группа предложений с постпозитивным главным членом — это группа трехчленных структур (75% от всего числа конструкций данного типа). Каждая такая структура состоит из двух предложных или беспредложных форм имен существительных (редко вместо первой формы может стоять прилагательное-определение) и формы 3 л. мн. ч. настоящего времени глагола. Следовательно, наиболее употребительная модель данного типа — это «Существительное+существительное+глагол»: *Запросу в мошну не кладут (С., 105); Прежде невода рыбы не ловят (С., 134); Стояньем города неволят (Д., 117); Авоське в долг верят (Д., 119).* Совсем мало предложений с постпозитивным главным членом, которые со-

стояли бы из четырех и более членов. В основном это трехчленные конструкции, включающие в себя дополнительно либо какой-либо однородный член, либо сравнительный оборот: *Из пустого судна ни пьют, ни едят (С., 109); За спрос, что за показ, денег не берут (Д., 234)*. Исключительно редки примеры типа: *С одного вола двух шкур не дерут (Д., 193); За скудость разума полат лишаются (С., 105)*. Количество членов в предложениях с препозиционным и интерпозиционным главным членом, как правило, больше минимум на единицу по сравнению с составом обычного трехчленного предложения с постпозитивным главным членом, но оно может быть и равным последнему: *Бьют не ради мученья, а ради ученья (Д., 213); Встречают гостя по платью, а провожают по уму (С., 87)*. Среди обобщенно-личных предложений с главными членами в форме 3 л. мн. ч. настоящего времени эпизодически встречаются и двучленные структуры, организующиеся по схеме «Существительное+глагол» или редко — «Наречие+глагол»: *Без суда не казнят (Д., 170); Лежачего не бьют (Д., 171); На нищем не ищут (Д., 97)*. Обобщенно-личные предложения, главный член которых выражен формой 3 л. мн. ч. настоящего времени, осложняются деепричастиями и деепричастными оборотами, при этом осложненные структуры или двучленны, или трехчленны: *Побираючись тож живут (Д., 102); Не поймав, не щиплют (Д., 225); На чужую беду глядя, не казнятся (Д., 151); Бьючи по* молоко не посылают (С., 80); *Кроят платье, к старому примеривая (С., 114)*.

Беглое сопоставление рассмотренных двух типов обобщенно-личных предложений с главными членами, выраженными двумя различными формами изъявительного наклонения — формой 2 л. ед. ч. и формой 3 л. мн. ч.— приводит к мысли, что за каждой из личных форм в роли главного члена закреплена и вполне определенная видовая форма глагола: обобщенно-личным предложениям с формой 2 л. ед. ч. будущего времени совершенного вида глагола противостоят обобщенно-личные же предложения, в которых главный член выражается формой 3 л. мн. ч. настоящего времени несовершенного вида. Таким образом, эти два типа конструкций представляют собой не что иное, как бинарное противопоставление двух синтаксических рядов, каждый из которых имеет свои отличительные признаки, выражающиеся не синтаксически, а морфологически — личными и видовыми формами глагола. Это противоположение глагольных форм, выступающих в качестве дифференциальных признаков каждого из двух типов обобщенно-личных предложений, активно как в языке нового времени, так и в записях пословиц XVI—XVII вв.

III. Обобщенно-личные предложения с главным членом в форме 2 лица единственного числа повелительного наклоне-

ния. В отличие от главного члена предложений предыдущих групп, главный член, выраженный формой 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, свободно занимает как препозицию, так и постпозицию: *Умей вовремя сказать, вовремя смолчать (Д., 413); Плети лапти не языком, а кочадыком (Д., 411); Помни мост и перевоз (Д., 275); Дразни собаку на цепи (Д., 272); Учи жену да детей без людей (С., 147); Больному в еде не верь! (Д., 400); Вперед смерти наживайся (Д., 281); Противное противному уступай (Д., 264); С угорелою головою в чад не мечися (С., 140); На авось не надейся (Ж., 11).* Интерпозицию главного члена и для этих структур нельзя считать вполне обычной, хотя в них она отмечается гораздо чаще, чем в конструкциях с главным членом в форме 2 л. ед. числа будущего времени, а также 3 л. мн. числа настоящего времени. Например: *За правое дело говори смело (Д., 417); На молчок не разевай роток!* (Д., 415); *Не ножа бойся, языка* (Д., 414). При рассмотрении конструкций, осложненных деепричастиями и деепричастными оборотами, создается впечатление, что в них в отличие от конструкций без деепричастий более отчетлива тенденция к размещению компонентов в строго определенном порядке: главный член обычно занимает синтаксическую позицию, противоположную позиции деепричастной формы: *Разжевав слова, да выплюнь (Д., 415); Идучи на суд, не хвались (Д., 171); Не потеряв, не ищи (С., 127); Хвали заморье, на печи сидючи (Д., 277).* Сопоставление материалов, записанных в XVII в., с материалами, собранными В. И. Далем, позволяет думать, что постепенное, но неуклонное закрепление за деепричастной формой препозиции выступает как тенденция, которая получает широкое распространение по мере движения к новому и новейшему периодам в истории русского языка. По объему анализируемые конструкции, как правило, невелики. Подавляющая часть их — трех- и четырехкомпонентна. Более распространены, однако, трехчленные структуры с препозитивным главным членом, организующиеся по схеме «Глагол+существительное+существительное»: *Переложи гнев на милость* (Д., 212). Трехчленная структура с постпозитивным главным членом отличается от аналогичной конструкции с препозитивным главным членом не только местом расположения главного члена, но и способом выражения одного из подчиненных членов: в ней на равных правах отмечаются как случаи, когда главный член имеет два дополнения, так и случаи, когда он имеет дополнение со своим согласованным определением,—«Прилагательное (существительное)+существительное+глагол»: *Доброму делу не кайся (Д., 127); Зла за зло не воздавай (Д., 127).* Таким образом, трехчленные предложения характеризуются использованием замкнутого круга полнозначных частей речи — это, главным образом, глагол в форме 2 л. ед. ч. повелит.

накл., существительное и прилагательное в разных формах. Четырехчленные предложения не знают таких ограничений.

Пяти-, шести-, семичленные предложения встречаются лишь эпизодически.

Наконец, несколько замечаний о двучленных предложениях, которых также немного. Их — два типа: а) предложения неосложненные. *Без кабалы не держи (Д., 171); С правдой не шути! (Д., 201); С казною не судись (Д., 242).* В основном все такие структуры строятся по схеме «Существительное+глагол», хотя возможны некоторые видоизменения ее путем перестановки компонентов, а также использования в роли подчиненного члена наречия. Тип в целом не продуктивен в языке русских пословиц. б) Предложения, осложненные деепричастиями и деепричастными оборотами. Вообще подобные конструкции относятся к сравнительно активным в пословицах. Однако предложения, включающие в себя форму 2 л. ед. ч. повелительного наклонения в качестве главного члена и деепричастия, настолько мало распространены, что не могут считаться типичными пословичными формулами. И еще характерным является факт, что среди рассматриваемых структур совершенно нет таких, которые бы состояли из одной формы повелительного наклонения в соединении с одиночным деепричастием. По-видимому, это находится в прямой зависимости от способа морфологического выражения главного члена: форма 2 л. повелительного наклонения сама по себе настолько экспрессивна, эмоционально конкретна, что вне достаточного синтаксического окружения явно не приспособлена к выражению пословичных обобщений. Экспрессивность ее обратно пропорциональна степени потери ею прямого, императивного значения и объему синтаксического единства, в котором она служит организующим центром. Очевидно, именно поэтому такие конструкции необходимо распространяются настолько, насколько это диктуется потребностью преобразования обычной синтаксической формы в пословицу: *Идучи на суд, не хвались! (Д., 171); Сделав добро, не кайся (Д., 139); Не кайся, добро сделав (С., 124).* В заключение заметим, что форма повелительного наклонения, выступающая в роли главного члена обобщенно-личного предложения, всегда несовершенного вида.

IV. *Обобщенно-личные предложения с главным членом, выраженным другими формами глагола.* Следует указать ради полноты описания, что главный член обобщенно-личных предложений выражается, кроме отмеченных, также некоторыми другими формами: формой 1 л. мн. ч. настоящего времени: *Не на живот рождаемся, а на смерть (Д., 280);* формой 3 л. мн. ч. будущего времени: *Дальше солнца не сошлют (Д., 220); Во гроб ничего не положат (С., 88).* Но таких конструкций очень

мало, и в силу этого рассматривать их как специфические пословичные образования трудно.

Итак, обзор обобщенно-личных предложений в языке русских пословиц показывает, что в качестве главного члена в них функционируют: а) форма 2 л. ед. ч. будущего времени, б) форма 3 л. мн. ч. настоящего времени и в) форма 2 л. ед. ч. повелительного наклонения. Все эти три формы являются типичными для пословичных формул, хотя по степени распространенности они и не одинаковы. Наибольшей частотой употребления отличается первая форма, активность двух последних примерно одинакова. В зависимости от того, какой из данных форм выражен главный член, можно разграничивать три формальных разновидности обобщенно-личных предложений. Они достаточно отчетливо противопоставлены друг другу. С одной стороны, противопоставлены предложения с формами изъявительного наклонения предложениям с формой повелительного наклонения в роли главного члена, а с другой — сами предложения с формами изъявительного наклонения в роли главного члена также противопоставлены друг другу, во-первых, личными формами и, во-вторых, глагольными видами. Формальное разнообразие обобщенно-личных предложений делает возможной достаточно полную реализацию модально-субъективных оттенков, сопутствующих нравоучению, заключенному в пословице. Например, значения большей части обобщенно-личных предложений с формой 2 л. ед. ч. будущего времени в роли главного члена реализуются, в отличие от других типов предложений, в соединении с модальными значениями возможности — невозможности.

Выражением того же синтаксического противопоставления следует считать преимущественно начальную позицию главного члена в форме повелительного наклонения, в то время как главный член в формах изъявительного наклонения, как правило, замыкает синтаксическую структуру. Но в том и в другом случаях в размещении слов в предложении легко улавливается общая закономерность, на основании которой место слова в предложении зависит от степени его важности в смысловой структуре предложения: в повествовательном предложении в пословицах актуально значимые его члены занимают крайние позиции, члены предложения с ослабленной смысловой нагрузкой располагаются между ними. Это общий закон русских пословиц, имеющих форму односоставных предложений. По-видимому, закон поляризации наиболее значительных компонентов предложения (постановка их в начало и конец предложения) является общим для многих славянских языков[6].

[6] См., напр.: Матезиус В. Основная функция порядка слов в чешском языке. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967, с. 246—265.

Другие глагольные формы, кроме 2 л. ед. ч. будущего времени совершенного вида, 3 л. мн. ч. настоящего времени изъявительного наклонения, а также 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, практически не функционируют в роли главного члена обобщенно-личного предложения. Дело в том, что в роли главного члена обобщенно-личного предложения выступает личная форма глагола не сама по себе, а в соединении с определенной глагольной категорией, способствующей более отчетливому разграничению типов синтаксических структур, вернее — разных пословичных композиций. Такими категориями оказываются категории вида и наклонения. Связь между формами лица, наклонения и вида глагола в русской пословице настолько ярко выражена, что по одной только схеме соединения этих форм легко отграничить пословицу от выражений, не являющихся пословицами.

Список сокращений и источников

Д.— В. И. Даль. Пословицы русского народа.— М.: ГИХЛ, 1957.

Ж.— А. М. Жигулев. Русские народные пословицы и поговорки.— М.: Московский рабочий, 1965.

С.— П. Симони. Старые сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. 1.— Спб., 1899.